ЕВРАЗИЯ

В СВЕТЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ИЗДАНИЕ ЕВРАЗИЙЦЕВ

1931

Оглавление

Оповещение об открытии (Евразия в лингвистических признаках). - П. Н. Савицкого 1

О фонологических языковых союзах. - Р. О. Якобсона 7

ОПОВЕЩЕНИЕ ОБ ОТКРЫТИИ

(Евразия в лингвистических признаках)

Мы печатаем на этих страницах вольную передачу доклада *Р. О. Якобсона*, прочитанного на фонологической конференции в Праге 20 декабря 1930 г.: О фонологических языковых союзах*). Специальная тема доклада не должна скрывать от нас основного факта, о котором он свидетельствует. Этот доклад мы оцениваем, как *оповещение о крупном открытии*, освещающем новую сторону в характере России-Евразии, как особого мира. Данные Р. О. Якобсона устанавливают существование евразийского языкового союза. В предыдущих изданиях евразийцы исследовали природу России-Евразии, как особого географического и особого исторического мира. Работа Р. О. Якобсона позволяет утверждать, что Россия-Евразия является особым *лингвистическим* миром. В возможной, к настоящему времени, полноте деталей, с указанием относящейся сюда литературы и с соответствующим техническим аппаратом, исследование Р. О. Якобсона появится в свет в евразийском сборнике «Тридцатые годы» (находится в печати). Но уже сейчас мы хотим сделать доступными русскому читателю основные выводы его работы — и притом в наиболее кратком и простом изложении, которое каждому, кто интересуется вопросами познания родины, дало бы возможность ознакомиться с этими выводами. Конечно, и в такой форме — чтение доклада, относящегося к вопросам фонологии, требует от неподготовленного читателя некоторого вниманья. Но за это напряженье он будет щедро вознагражден познанием факта, многостороннее существенного для понимания природы и судеб евразийского мира.

Согласно заключению Р. О. Якобсона, евразийский языковый союз, занимающий территорию, весьма близко отвечаю-

*) Фонология — отрасль языковедения, рассматривающая звуки речи под углом врения выполняемых ими функций.

щую евразийскому географическому миру, характеризуется тем, что в языках, его образующих, для дифференциации словесных значений применяется различение согласных по твердости и мягкости — в то время, как в языках Европы и Азии это различение с такою целью не применяется. Оттенки, которые наблюдаются в практике отдельных языков Евразии, упомянуты в докладе Р. О. Якобсона. Здесь мы приведем те примеры, которыми автор поясняет свою мысль применительно к языку, на котором написаны эти строки: к русскому литературному языку. В нем «двенадцати согласным фонемам фонологически противопоставлено столько же соответствующих фонем, отличающихся от первых только по тембру»*). Так называемые твердые согласные: *р, л, н, м, д, т, з, с, б, п, в, ф*. Соответствующие им мягкие: *рь, ль, нь, мь, дь, ть, зь, сь, бь, пь, вь, фь*. Разница между твердыми и мягкими согласными служит здесь «одним из основных средств дифференциации словесных значений. Достаточно немногих иллюстраций: *быт — быть; бит — бить; мат — мять; мыл — мыль; мил — миль; ров — рев; вес — весь; пилу — пилю; волна — вольна; горка — горько; стенка — Стенька*»**).

В той или иной форме, с тем или иным видоизменением, это явление, как показывает Р. О. Якобсон, свойственно и другим языкам Евразии — от самоедского, бытующего на берегах Северного Ледовитого Океана, до кара-киргизского, занимающего горные степи Памира, — и от наречий Подкарпатской Руси до монгольских диалектов Ордоса (область великой китайской стены). Автор этих строк несколько раз указывал именно на эти рубежи, как на пределы географического мира Евразии — совершенно не зная о лингвистической стороне вопроса. Тем существеннее возможность *повторить* указание — но уже применительно к границам евразийского языкового союза. Данные Р. О. Якобсона устанавливают единство, по существенному фонологическому признаку, языков евразийской степи и языков северной лесной и даже тундровой зоны (самоеды!). Между тем, единством этих зон и образуется евразийский географический мир.

Открытие Р. О. Якобсона имеет большое значение для понимания обще-культурной природы евразийского мира. Пусть каждый, кто соприкасался, напр., с европейцами, вдумается: что́ наиболее затруднит их в произнесении русских слов? И он несомненно придет к выводу, что наибольшую трудность представляет для них различение согласных по твердости и мягкости. Р. О. Якобсон рассказывает: «Я не раз проделывал

*) Фонема — «звук, способный в данном языке дифференцировать словесные значения».

**) Все взятые в кавычки слова и приводимые примеры принадлежат Р. О. Якобсону.

этот опыт над чехами и немцами, говорил явственно: «*жарь — жар, Русь — рус, кровь — кров*» и т. п., а слушатели утверждали, что я дважды повторяю одно и то же слово». — Этого различения не знают и азиаты. Но в той или иной форме оно встречается во *всех* евразийских языках, по которым имеются соответствующие данные. Нужно отдать себе отчет в тех следствиях, которые имеет этот факт. Он означает, что в смысле произношения русский легче обучится любому евразийскому языку, также и не-славянского происхождения, чем может сделать это европеец или азиат: ибо в этом языке он находит те же фонологические явления, с которыми он знаком и в своей родной речи*). И наоборот, представителю евразийских народов, в силу тех же причин, легче освоиться с русскою речью, чем европейцу или азиату. Нам кажется излишним подробнее останавливаться на обще-культурной значимости этого обстоятельства: оно очевидно и само по себе.

Научные работы Р. О. Якобсона проникнуты пафосом телеологического (целевого) истолкования мира. «В нынешней иерархии ценностей вопрос *куда* котируется выше вопроса *откуда*. Взамен генетических показателей — самоопределение становится признаком народности, идею касты сменила идея класса; и в общественной жизни, и в научных построениях общность происхождения отступает на задний план по сравнению с общностью функций, стушевывается перед единством целеустремленности. *Цель*, эта золушка идеологии недавнего прошлого, постепенно и повсеместно реабилитируется... Возле традиционного понятия *единородных* языков проясняется понятие языков *единоустремленных*». — Согласно этой концепции, все те славянские, романские, индийские, финно-угорские, тюркские, монгольские, северо-кавказские языки, которые приурочены к евразийскому месторазвитию и отвели у себя место различению согласных по твердости и мягкости, — все они, несмотря на различие происхождения, являются языками *единоустремленными*. Единство фонологической «целеустремленности», движение в одном, общем направлении вот то, что спаивает друг с другом языки Евразии. Это определение является одним из самых ёмких, какое только можно себе представить. Несомненно оно имеет и философскую сторону. Народы Евразии являются «единоустремленными» не только в лингвистическом отношении...

Фонологическая «единоустремленность» языков евразийского мира возникла задолго до нашего времени. Согласно сводке данных, произведенной Р. О. Якобсоном, эволюция

*) Это общее соображение практически подтверждается опытом русских, поселявшихся и действовавших в не-русских областях Евразии (напр., среди горцев северного Кавказа)

в сторону различения согласных по твердости и мягкости наметилась, напр., и в славянских, примыкающих к евразийскому кругу, и в монгольских языках — во всяком случае в первой половине истекающего тысячелетия. Этим явлением, в первоначальном его возникновении, как бы приуготовлялось и отражалось существование тогдашней Монгольской Империи. Совершенно так же ту «радиацию» урало-алтайской фонологии в первое тысячелетие нашей эры, о которой Р. О. Якобсон говорит на последних страницах своего доклада, нельзя не сопоставить с историей держав, основанных в эти столетия народами урало-алтайской группы (гунны, первоначальные турки и др.). Державы эти существенно вложились в историю многих, отделенных друг от друга огромными расстояниями, частей Старого Света. Параллельно этому, мы видим, как свойственное урало-алтайским языкам различение согласных по твердости и мягкости, с одной стороны, глубоко проникает в эту эпоху в китайский языковый мир, с другой, в несколько иной форме, охватывает праславянский язык. — В уяснении всех этих вопросов, метод установления связи явлений, принадлежащих к различным планам, «метод увязки», как называет его Р. О. Якобсон, получает самое широкое применение.

Данные, собранные Р. О. Якобсоном, ярким образом подтверждают то положение, что также в фонологической области «начало месторазвития преобладает над началом генетической близости»; в силу присущих ему внутренних закономерностей, оно отделяет языки от одних, родственных им и сближает с другими, не-родственными. В немногих строках, которые Р. О. Якобсон посвящает, в своем докладе, относящимся сюда вопросам, он дает большое количество конкретных указаний. Языки тех славянских народов, которые избрали для поселения европейское месторазвитие (сербо-хорваты, словенцы, словаки, чехи, лужичане) — с точки зрения рассматриваемого фонологического признака, подвергаются «европеизации». В них происходит «упразднение тембровых различий согласных». Под знаком происшедшей «европеизации» стоит и мадярский язык. Несколько лет тому назад, развивая общую теорию месторазвития, нам пришлось говорить об «европеизации» венгров: «венгерская степь, как ни как, есть степь островная, подчиненная закономерностям европейского месторазвития»*). В тот момент мы и не подозревали, что существует столь явственный лингвистический знак этой европеизации. Она отделила фонологию мадярского языка от фонологии его евразийских родственников. В менее общей форме тот же процесс «европеизации» сказался и на двух других финно-угорских

*) Брошюра: «Россия — особый географический мир», 1927, с. 64.

языках — языке суоми (финляндских финнов) и эстонском. — С точки зрения рассматриваемого признака, «европеизация» не отличается от «азиатизации», — та и другая сводится к утрате отличительного евразийского признака: различения согласных по твердости и мягкости. На материке Старого Света евразийский мир является срединным. Европейский и азиатский занимают периферию (Европа — западную, Азия — южную и восточную). В связи с этим, оба процесса (т. е. «европеизацию» и «азиатизацию») можно свести к одному: к превращению языка в язык «периферического» типа. Такую «периферизацию» пережил язык османских турок: укрепившись в средиземноморской области, он ликвидировал «противопоставление мягких и твердых согласных».

Не будем продолжать пересказа данных Р. О. Якобсона, с точки зрения установленных здесь простейших понятий. Отметим только, насколько грандиозную общую картину распределения языковых явлений на пространстве Старого Света дает его доклад. Метод рассмотрения материка Старого Света, как целого, кажется нам не случайным. Русские ученые — представители срединного мира — в наибольшей степени призваны к обозрению Старого Света именно в его целостности. Они могут и должны знать Россию-Евразию. И с *одинаковой ясностью* они должны видеть Восток и Запад. Работа Р. О. Якобсона принадлежит к числу тех, которые устанавливают должную перспективу. В какой бы отрасли ни работал русский исследователь, евразийский материал он должен располагать в самостоятельную, но не замкнутую систему, т. е. такую, которая выражала бы и своеобразие евразийского мира, и его взаимодействие с соседями. Целостное учение о Старом Свете — вот мета, к которой должна устремляться отныне русская наука, как носительница идей и возможностей срединного мира. Работа Р. О. Якобсона тем и поучительна, что в рамках поставленного в ней вопроса она выполняет обе названных выше функции: она определяет своеобразный облик евразийского лингвистического союза; и в то же время рисует его, во всем его окружении.

«Лингвистика евразийствует» — таково было наше ощущение при ознакомлении с данными, собранными Р. О. Якобсоном: именно лингвистика, а не лингвисты — ибо красноречиво свидетельствуют сами факты. И беспомощно звучат утверждения тех критиков, которые полагали, что данные языка «убийственны для евразийской доктрины»*). Как раз наоборот: на основании работы Р. О. Якобсона (и упомянутого в его докладе труда В. К. Зеленина) можно утверждать, что лин-

*) Статья А. А. Кизеветтера: Евразийство и наука, Slavia, 1928, с. 429.

гвистика есть одна из тех отраслей, где своеобразие и в то же время внутреннее единство евразийского мира выражено наиболее ярко. Значение этого факта дают почувствовать замечания того же, упомянутого выше критика евразийства (А. А. Кизеветтера): «язык народа .. не есть... какой-нибудь механический прибор для произнесения *слов*. Язык есть орудие для выражения *понятий*, в языке выражается самая подоплека, самое существо народной культуры».

Дело идет не об одной фонологии. К общему определению России-Евразии, как особого лингвистического мира, в существе подошел и глава современной европейской лингвистики — А. Мейе, в своем докладе в Парижском Лингвистическом Обществе: «отправляясь от наблюдения кн. Н. Трубецкого о существовании соответствия между структурой тюркских языков и общим духовным складом тюрков, он усматривает такое же соответствие между весьма своеобразной структурой индоевропейского языка и духовным складом индоевропейской нации. Этот язык составлен из автономных слов. Аномалии в нем столь же многочисленны, сколь они малочисленны в тюркском. Индоевропейскую аристократию, в ее завоевательном движении, характеризует стремление отыскать области, где каждый вождь был бы вполне независим. Этот дух сохранился у греков. И греческий язык содержит огромное количество аномалий. Слово сохраняет в нем свой индивидуальный характер». В прениях по этому докладу выдающийся французский руссист П. Буайе, Ж. Вандриес и сам А. Мейе указывали, что русский и соседние с ним языки под эту характеристику не подходят; что они проникнуты скорее «тюркским духом»*). Тем самым эти лингвисты характеризовали Европу, как особый языковый мир, и намечали контуры другого лингвистического мира, лежащего к востоку от ее пределов. Этот последний мы называем Евразией.

Нет сомнения, что особое место евразийского языкового круга, в его отличиях от других лингвистических миров, определится и вне ряда тех признаков, которые рассматривает Р. О. Якобсон. Искания русской науки не ограничатся областью фонологии. Уже сейчас, и помимо Р. О. Якобсона, поставлена проблема морфологической характеристики евразийского языкового мира и установления общеевразийских особенностей в структуре словоизменений.

Выводы Р. О. Якобсона нужно рассматривать в связи с заключениями других ученых, занимавшихся изучением евразийского мира. Несомненно: собранные ими географические, исторические, археологические и т. п. данные облегчили

*) Bulletin de la Société de Linguistique de Paris, Numéro 88, Paris 1929, c. XVII.

постановку той проблемы, которую Р. О. Якобсон разрешил своею работой. Но и обратно: столь явственная черта своеобразия и в то же время внутреннего фонологического единства евразийского мира, которую открыл Р. О. Якобсон, делает весьма мало вероятным, чтобы были результатом случайности свидетельствующие о том же географические, исторические и т. п. факты. Открытие Р. О. Якобсона скрепляет внутренние связи всей евразийской научной системы, повышает математическое вероятие ее истинности. И в этом смысле оно есть удар по всему обширному фронту научных и не-научных оппонентов евразийства.

Петр Н. Савицкий

ДОКЛАД Р. О. ЯКОБСОНА

О фонологических языковых союзах

Настоящий доклад представляет собою краткое резюмэ некоторых выводов работы, которая в скором времени появится в печати.

Преобладание интересов генетического порядка в языковедении отодвигало до недавнего времени на задний план вопрос об общих явлениях в строе соседних языков, поскольку такие явления не находили себе объяснения в общем происхождении этих языков. Но наука о языке призвана подвергнуть обследованию наряду с языковыми семействами также языковые союзы. Языковыми союзами называются, согласно терминологии Н. С. Трубецкого, одобренной Гаагским международным съездом лингвистов, такие группы географически смежных языков, которые характеризуются *благоприобретенными* структуральными сходствами. Фонологическая постановка вопроса о языковых союзах обещает быть особенно плодотворной.

Для многих составных элементов фонологических систем характерно широкое распространение, выходящее за пределы отдельного языка или языкового семейства. Например, политония (т. е. наличие различий в характере словесного ударения, способных диференцировать значение слов, например, противопоставление восходящего и нисходящего ударения*)

*) Примеры различий в характере словесного ударения, служащих словоразличению: сербское *села* с восходящим ударением на 1-ом слоге означает род. пад. ед. ч. существительного *село*, а с нисходящим ударением на 1-ом слоге — им. пад. множ. ч. того же слова; соответственно слово *бацати* означает в первом случае метать, во втором — колоть и т. п.

обычно образует языковые союзы большого масштаба. Таков тихоокеанский языковый союз, охватывающий тибето-китайскую группу языков, аннамское и малайское семейство, японский язык, айнский и гиляцкий. Значительные политонические союзы имеют место также в Центральной Африке и в Америке. Наконец, языки Балтийского побережья также составляют языковый союз, характеризуемый политонией. Сюда относятся языки — шведский, норвежский, кроме его северо-западного диалекта, бóльшая часть датских говоров, некоторые немецкие прибалтийские говоры, северно-кашубское наречие, литовский и латышский, ливский и эстонский. Во всех языках этого союза, кроме литовско-латышского семейства, политония является новообразованием. Мне известен только один лингвистический остров, характеризующийся политонией: сербо-хорватский язык, за вычетом юго-восточной окраины, и прилегающие к нему кранско-словенские говоры. Следует учесть, что сербо-хорватская фонология — типично-реликтовая, ее пафос — сохранение праславянского строя. Это — отложение некогда обширного массива индоевропейских политонических языков. История утраты политонии этими языками в сопоставлении с историей их миграции составляет одну из интереснейших проблем исторической фонологии.

Русская наука последних десятилетий показала наличие особого географического мира, который она окрестила «Евразией», дабы отличить его от соседних географических миров — Европы и Азии. Физическая и экономическая география, история и археология, антропология и наконец этнография устанавливают ряд отличительных признаков евразийского мира. Недавняя работа Зеленина обнаружила характерные функциональные особенности, отличающие словесные запреты народов Евразии от табу прочих народов и таким образом впервые выявила общеевразийские особенности языковой культуры. Там, где есть общность отношения говорящих к слову, естественно предположить и наличие совпадения в языковой структуре непосредственно. Фонологическое исследование позволяет наметить общеевразийские изофоны*) и говорить о евразийском союзе.

Языки евразийского союза характеризуются совмещением двух фонологических признаков: 1) монотония, т. е. отсутствие политонии, 2) тембровые различия согласных.

Существует два типа дифференциации согласных по тембру: противопоставление мягких и твердых согласных и противопоставление темных и светлых согласных. Акустический эффект темности согласных достигается путем округления и выдвижения губ, при производстве светлых согласных эта дополни-

*) Географические границы звуковых явлений.

тельная работа отсутствует. Если с артикуляцией согласных сочетается в качестве дополнительной работы поднятие средней части языка к нёбу, эта дополнительная работа вызывает акустическое впечатление мягкости; при производстве твердых согласных эта работа отсутствует.

Фонологическая категория мягких согласных расщепляет несколько языковых семейств. Из славянских языков все восточно-славянские диалекты (великорусские, украинские и белорусские), польский язык, кроме его северной окраины, и восточно-болгарские говоры наделены этой категорией, тогда как чешский, словацкий, кашубский и лужицкие языки, а также сербо-хорватский, словенский и западно-болгарское наречие лишены ее. Из романских языков лишены категории мягких согласных все, кроме молдавского, т. е. восточного представителя румынской группы, а из индийских языков — все, кроме цыганских наречий России и Польши. Характерно в этом отношении и финно-угорское языковое семейство: фонологическая мягкость согласных налицо в мордовском, зырянском, пермяцком, вотяцком, черемисском, в южных говорах карельского, на восточной окраине суоми и в восточных говорах эстонского языка, в остяцком, а также в родственной финно-угорским языкам самоедской группе. Мягкость согласных отсутствует в прочих говорах карельского, суоми и эстонского языка, в ливском, в лопарском и в мадярском. В большинстве тюркских языков, обладающих мягкими согласными, взаимно противопоставлены не мягкие и твердые согласные сами по себе, а неразрывные мягкие и твердые слоги, т. е. сочетания мягких согласных с мягкими (по месту артикуляции передними) гласными противопоставлены сочетаниям твердых согласных с твердыми (артикуляторно-задними) гласными*). Это явление отмечено в татарском, казак-киргизском, каракиргизском, башкирском, туркменском, азербайджанском, в языке бессарабских гагаузов и в неиранизованных узбекских говорах. Самостоятельная мягкость согласных налицо в языке караимов, вкрапленном в пограничную территорию между русским и польским языками. Переходный тип от комбинаторного к самостоятельному противопоставлению мягких и твердых согласных дан в чувашском языке, к которому в этом отношении примыкают, кстати сказать, и некоторые черемисские говоры, тогда как в прочих черемисских говорах мягкие согласные фигурируют самостоятельно. Противопоставление мягких и твердых согласных вовсе отсутствует в османско-турецком языке и в иранизованных узбекских говорах. Самостоятельною мягкостью согласных наделены монгольские наречия, например, калмыцкое, халхаское, ордоское, дагурское.

*) Примеры из казак-киргизского: *ал* — возьми; *ель* — кисть руки; *ак* — белый, *екь* — сей (повелит. наклонение).

В северно-кавказских языках частью бытует противопоставление мягких и твердых, частью противопоставление темных и светлых согласных, частью оба вместе.

Территориальное распространение тембровых противопоставлений согласных охватывает таким образом три равнины —беломорско-кавказскую, западно-сибирскую и туркестанскую, т. е. то основное ядро, где сказываются и характернейшие географические особенности евразийского мира. Юго-западная окраина этого фонологического объединения занимает клин евразийских степей, свисающий вдоль западного берега Черного моря от Одессы к Балканам. Наконец, на востоке языки с фонологической мягкостью согласных покрывают так называемое монгольское ядро континента, которое по ряду признаков также принадлежит Евразии.

В большинстве случаев наблюдается необычайный параллелизм между фонологическими и географическими показаниями. Например, армянский язык и картвельская группа (грузинский и пр.) лишены тембровых противопоставлений, а география и этнография согласно свидетельствуют, что занятая этими языками область характеризуется переходностью от Евразии к соседним месторазвитиям. Точно так же палеоазийские языки подтверждают тезис географа Савицкого, что Дальний Восток находится вне евразийского мира. Характерную симметрию в структуре границ Евразии обнаруживают и физическая география, и фонология. На крайнем северо-востоке и на крайнем северо-западе с евразийскими языками соседят монотонические языки без тембровых различий согласных: с одной стороны, чукотский, юкагирский и т. п., с другой — суоми и лопарский. На северо-западе и на протяжении всего востока евразийский союз граничит с политоническими союзами — балтийским и тихоокеанским. Наконец, на юге-западе и юге соседи евразийского союза — снова монотонические языки, не различающие согласных по тембру: основной массив языков Европы, османо-турецкий язык, картвельская группа и индоевропейские языки Среднего Востока (армянский и индо-иранская группа).

Вне той территориально непрерывной группы языков, которую мы поименовали евразийским языковым союзом, нет в настоящее время на основном материке Старого Света, т. е. на том материке, в состав которого входит Евразия, ни одного языка, обладающего сочетанием монотонии с различением согласных по тембру. Только между языками прилегающих к этому материку островов — на крайнем западе европейского мира — есть один язык, содержащий сочетание этих признаков, а именно — ирландский язык.

Мы могли констатировать только одно заметное расхождение между фонологической границей и инородными изоли-

ниями, определяющими контуры Евразии: в польских пределах евразийские изофоны оказались агрессивнее физико-географических признаков и исторических границ.

Изолиния мягкости согласных вклинивается в оба политонических языковых союза, окаймляющих евразийский языковый союз. Фонологическою мягкостью согласных наделены с одной стороны литовский, при чем роль ее усиливается по мере приближения к русской языковой границе, восточно-латышские и восточно-эстонские говоры, с другой стороны — гиляцкий и японский, кроме его восточного наречия.

Мы наметили зону распространения тембровых различий согласных. Но чтобы выяснить рельеф фонологического союза и в частности обнаружить основной очаг или очаги этих явлений на территории Евразии, необходимо расследовать и картографировать степень использования тембровых различий и их функциональную нагрузку в отдельных языках. Статической характеристикой проблема не исчерпывается. У евразийского языкового союза есть своя история и в частности своя историческая фонология. Границы, да и самые признаки языкового союза меняются подобно границам и характерным признакам языка. Не познав языкового союза в его становлении, нельзя по-настоящему охватить его сущность. Наметим лишь главные вехи.

Уже алфавит древнейших тюркских памятников, восходящий к VI в. по Р. Х., свидетельствует о наличии противопоставления мягких и твердых слогов. Это явление можно предполагать уже в т. н. праалтайском языке, к которому восходят тюркские, монгольские и маньчжуро-тунгузские языки. Если ныне зона монотонии шире зоны мягкости согласных, и именно мягкость согласных является характернейшим компонентом евразийского сочетания фонологических признаков, то первоначально обратно — зона мягкости согласных была шире, а зона монотонии уже, — тогда именно монотония была характернейшим компонентом названного сочетания. Были времена, когда изолиния мягкости согласных захватывала различные политонические языки, окаймлявшие урало-алтайский языковый мир. Как известно, политонией характеризовался праславянский язык; этот язык усвоил в эпоху, предшествовавшую его диалектическому членению, противопоставление мягких и твердых слогов. Совместно с политонией самостоятельная мягкость согласных бытовала в древне-индийском языке, засвидетельствована она и в китайском в VII в. по Р. Х. В дальнейшем зона мягкости согласных суживается. В средне-индийском языке ее уже нет; китайский утратил мягкость согласных на рубеже минувшего и нынешнего тысячелетия. Тогда же началось упразднение тембровых различий согласных на юго-западной окраине славянского мира; сперва в сербо-хорватском и словенском,

далее в западно-болгарском, чешском и словацком. Это сужение зоны фонологической мягкости согласных сопровождается другим явлением, своего рода реакцией против первого: как западные, так и восточные аванпосты евразийского языкового мира повысили роль противопоставления согласных по мягкости и твердости, — в течение первых веков нынешнего тысячелетия они ввели взамен мягкости слогов самостоятельную мягкость согласных. Так можно приблизительно датировать возникновение самостоятельной мягкости согласных, с одной стороны, в монгольских наречиях, с другой — в восточном секторе славянского и финского мира и, повидимому, в западном авангарде тюркских языков Евразии. По крайней мере, оба потомка половецкого языка — язык северо-западных караимов и ныне вымерший армяно-кипчакский язык — являются единственными тюркскими языками, где засвидетельствована самостоятельная мягкость согласных.

Мы ограничились в нашем докладе немногими примерами фонологических союзов, но можно с уверенностью сказать, что одной из злободневнейших задач фонологии является разработка фонологической географии и в конечном счете фонологическое зонирование мира.

LEGIOGRAFIE, PRAHA XIII. 665

Требуйте евразийские издания!

Издания 1931 г.:

Н. Н. Алексеев. Теория государства (вышла в свет).

Тридцатые годы. Сборник статей (печатается).

Я. А. Бромберг. К пересмотру еврейского вопроса. Опыт евразийского рассмотрения проблемы (печатается).

Г. Н. Полковников. История и природа (подготовляется к печати).

П. Н. Савицкий. Государственно-частная система хозяйства (подготовляется к печати).